

Эта гипотеза (я рассматриваю ее как подсобный материал для работы) позволяет нам лучше понять сущность и поэтический смысл многих иго-рианских эпизодов».

Далее Бадзарелли излагает толкование Новикова как по изданию 1938 г.,⁴ так и по его книге 1956 г.,⁵ правда, не затрудняя себя точными ссылками на текст этих работ. Бадзарелли главным образом интересуется мнением Новикова, что автор «Слова» принимал участие в походе и пережил поэтому все превратности в судьбе русских. «Эту мысль, — пишет Бадзарелли, — естественно, оспаривали многие (напр., Гудзий), мы также можем спорить об участии физическом и поэтико-сентиментальном автора „Слова“ в игоревой эпопее. Но примем эту мысль как гипотезу, воздержавшись до другого раза от ее углубления: она пока помогает нам уточнить поэтическое содержание „Плача Ярославны“».

К сожалению, в дальнейшем изложении текста Новикова у Бадзарелли вкралась крупная опечатка: вместо 1184 г. женитьбы Игоря указан 1084 г.

Для Бадзарелли наиболее важный вопрос как в комментариях Новикова, так и у других исследователей — «Кто слышит плач Ярославны?». Он принимает «палеографически обоснованное» толкование Е. В. Барсова:⁶ «Я слышу» (слышится мне), а относительно Новикова говорит: «Я считаю приемлемой главную мысль комментария: плач Ярославны лишь объективизированный отзвук многих чувств русских пленников, приписанный Ярославне. Он, возникая в их душе и „особенно в душе Игоря“ и поэта, переносится в Путивль. Скорбь пленников, их тоска по родине совпадают со скорбью и с тоской княгини: не исключено поэтому, что в то же самое время, или в другой раз, Ярославна „действительно“ плакала в Путивле, или в Новгороде, но этот реальный плач не интересует поэта. Проблема теперь в том, чтобы установить, нужно ли отнести „Плач Ярославны“, символ и объективацию тоски пленников, ко всем русским пленникам, или к поэту, который считается их товарищем, или к князю Игорю. То есть проблема в том, чтобы установить, к кому относится глагол „слышит“. Мои соображения имеют в виду как раз этот момент и расходятся с мнением Новикова, считающего предметом этого глагола поэта, и с мнением многих других комментаторов, предпочитающих рефлексивную форму, относящуюся к русским (к русским вообще или к пленникам). Я же хотел бы доказать значение догадки, выдвинутой в его переводе поэтом Аполлоном Николаевичем Майковым еще с 1872 года: „предметом является князь Игорь“».⁷

Далее Бадзарелли рассматривает текст данного отрывка «Слова» в первом издании 1800 г. и в «Екатерининской копии», ссылаясь главным образом на Д. С. Лихачева,⁸ на Р. Якобсона и на И. Новикова, противопоставляя мнению последнего толкование А. Н. Майкова. Основываясь также на палеографических «догадках», Бадзарелли приходит к выводу, что «грамматическим подлежащим» может быть Игорь, и он пишет: «Но если мы приписываем наибольшую интенсивность [чувства] князю Игорю, определяя его как субъект воздействия слышимого, нам не только

⁴ Слово о полку Игореве. Перевод, предисловие и пояснения Ивана Новикова. Общая редакция и вступит. статья проф. Н. К. Гудзиев. М., 1938.

⁵ Иван Новиков. «Слово о полку Игореве» и его автор. В кн.: Иван Новиков. Писатель и его творчество. М., 1956, стр. 13—115.

⁶ Е. В. Барсов. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси. Исследование. Части 1—3. М., 1885, 1887, 1890.

⁷ А. Н. Майков. Стихотворения, ч. 3. Изд. 3-е. СПб., 1872, стр. 248.

⁸ Д. С. Лихачев. «Слово о полку Игореве». Историко-литературный очерк. Изд. 2-е, доп. М.—Л., 1955